

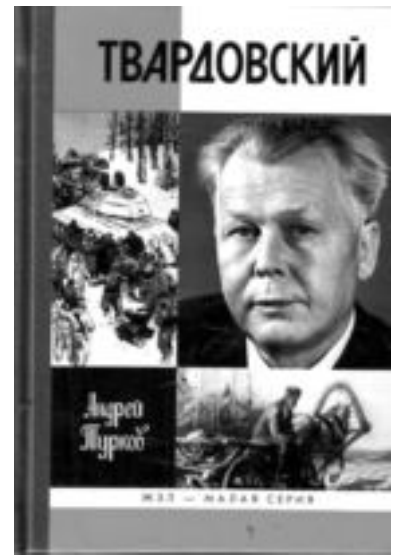
Николай ВОРОНОВ

Истина о самом себе

> О подмосковном Переделкине, Магнитке, Калуге, Оптиной пустыни, Москве и о тех, кто был оклеветан

Александр Твардовский – гениальный редактор, великий поэт

Продолжение. Начало в № 55, 58, 61, 63, 66, 69, 72, 75, 78, 81, 84, 89, 92, 96, 99, 104, 108, 113, 117, 125, 134, 137, 140, 145, 148, 151, 154, 157, 160, 164, 166 (2010 г.), 7, 10, 13.

Адские противоречия

Фальсификатор заходит безудержно. Я тебя оклеветал, так я тебя еще омерзительней оклеветашу, а заодно оклеветашу и авторов огоньковского письма. Я тебя унижил, так я тебя еще наглей унижу. Я себя выпятил (защитник Лохвицкого? Не был и не мог быть защитником тот, кто погряз в перестраховке), так куда наглей выпячу и сойду за правоплюба. Не чудовищное ли притворство: знать, что роман «Все время ветер» я отдал в журнал «Знамя», где главный редактор Вадим Кожевников, не склонный к похвалам, стал называть его классикой и давал автору вдохновенное обещание напечатать, но, под воздействием оскудняющих осторожных заместителей – Василия Катинова и Людмилы Скорино, – принялся тянуть с заключением нормального договора: пытался отделаться подачкой – и выдвинул новую оценку роману: «Классика, но не журнальная проза», и тем самым побудил меня отдать роман в «Новый мир», где ему, прочитанному за ночь первым замом Александра Твардовского Алексеем Кондратовичем, на другой день дали договор и законный аванс в двадцать пять процентов, и где о нем на редколлегии, куда меня пригласили телеграммой, Александр Трифонович Твардовский сказал высокую речь, – такой речи удостаивались за годы его редакторства только отдельные писатели.

Знать, какие адские противодействия ведутся против публикации романа, жанр и название которого переименовал А. Т.; знать о том, что на свердловском совещании по теме рабочего класса завязалась битва между сторонниками «Юности в Железнодорожске» и ораторами, которые выступали по наущению официоза (первого секретаря Свердловского обкома партии Николаева и заместителя заведующего отдела культуры ЦК КПСС Юрия Милентьева, с кем я цапался во время застольного приема по завершению совещания); знать и о письме ветеранов Магнитки с требованием запретить «Юность

в Железнодорожске», посланном еще до публикации повести-романа на имя члена Политбюро Суслова М. А. и первого секретаря ЦК ВЛКСМ Тяжельникова Е. М., знать об этом, и попробовать изобразить дело таким образом, как будто все, связанное с этой вещью, происходило постыло, оказанено, predeterminedно...

Высший критерий искусства

«Но... время Александра Трифоновича в «Новом мире» истекало, журнал громила идеологическая и писательская пресса...» Апломб предугадывателя краха Твардовского и его журнала сквозит в приведенной мною цитате. Сколько Александр Трифонович был главным редактором «Нового мира», столько время его истекало: сказывалось неприятие произведений, которые он давал в журнале, гнусной убогости власти имущими бюрократами от партии и государства, а также оказаненными чинодралами от газет, журналов Союза писателей.

К счастью, после Двадцатого съезда КПСС их стало меньше, и они реже высывались со своей реакционностью. Громить, однако, «Новый мир» и, в особенности Александра Твардовского, побаивались, побаивались его даже олигархи в ранге членов Политбюро и секретарей ЦК КПСС, я уж не говорю о плутократах от литературных инстанций. С «Новым миром» Твардовского полемизировали, что не всегда воспринималось в порядке нормы. А нападки на журнал великого поэта и на него самого вызывали протесты его многочисленных защитников из народа, – сужу хотя бы по отпору, который давали газетам и журналам потоки писем из всех республик страны, тем паче из городов и весей России.

Не могу не сказать и о том, что большинство советских журналов не чуждалось правды – совести, на которой держался и процветал духовно, социально, исторически «Новый мир», что недоступно пониманию, зауженному злобой и завистливым недоброжелательством Анатолия Ткаченко. Выступление же в «Огоньке» главных редакторов журналов было взвито статьёй Александра Дементьева в «Новом мире», задевшей их

национальное чувство, как раньше взвив подобного толка вызвала статья Александра Николаевича Яковлева в «Литературке», заряженная русофобией. Разница, верно, между статьями и авторами была: Яковлева А. Н. назначили послом в Канаде, где, попечительствуемый премьер-министром Трюдо, он был заряжен масонскими инструкциями по разрушению социализма, а Дементьева А. вывели из состава редколлегии «Нового мира» и уволили. Обвинение группе писателей, якобы они выступили, «хороня окончательно хрущевскую «оттепель», гнусовато, словно они перед этим хоронили хрущевскую «оттепель».

При несомненной разнице между подписантами, не всем им, как главным редакторам, было чуждо стремление Твардовского совестиливо нести народу правду о жизни общества, достигая предельных ее глубин средствами высокой художественности. Алексей Кондратович, определяя этот «высший критерий искусства» в «Новомирском дневнике», замечает, как журнал

шел к своему идеалу, видному для всех, и как редакция восходила к пониманию собственных достижений и славы: «Мы ведь были не только редакторами, но и в первую очередь читателями рукописей. Теперь мы стали ясней понимать то, что мы должны печатать, то, что будем печатать».

«Новомирский» материал

Приблизительно тогда и возник термин «новомирский материал». Не просто хороший, высокохудожественный, нужный, полезный материал, а именно «новомирский». Это особое качество, первый компонент которого была все та же верность правде, неприятие всякой лжи, чем бы она ни оправдывалась. (Однажды Симонов высказал мысль о «лжи во спасение», сославшись на 1941-й год, когда нельзя было, по его мнению, говорить правду, и это вызвало возмущение А. Т.: «Правду надо говорить всегда и в любых случаях. Ложь во спасение – от трусости, от злорадной боязни правды»).

Сейчас в злорадной претензии Анатолия Ткаченко на предсказание,

будто бы время Александра Твардовского в «Новом мире» истекало, видна его оракулская убогость. Тот же Алексей Кондратович с улыбочкой иронией записал в дневнике от 1.11.1968 года: «Как-то я, смеясь, сказал, что Твардовского начали снимать в тот же месяц, как назначили редактором». Этим на поверхности веселым суждением Алексей Кондратович запечатлел драматическую, на грани трагедии, духовную, трудовую, просветительскую долю редактора Александра Твардовского и его соратников по журналу. Психологически, даже психологически-надрывная, эта работа-борьба была на износ. Отсюда и то, что завершение новомирской миссии почти совпало с его быстрым и ранним уходом. В чем, смею полагать, ему еще и помогли.

За словами о том, что время Александра Твардовского в «Новом мире» истекало и что журнал громила идеологическая и писательская пресса, Анатолий Ткаченко методом несобственно прямой речи раздражается как бы ожидаемым довольством печатных погромщиков и, естественно, собственным довольством: «...а тут как раз и проза подходящая подоспела: некий Н. Воронов повествует, как трудно, нище, голодно жилось в войну уральцам».

Для тех, кто вел разрушительскую политику против «Нового мира», Н. Воронов не был «неким»: его давно знали идеологи и писательская пресса, и отнюдь не большинство из них метило прокатиться по нему ради бандитского налета на любимый передовыми читателями журнал. Реакционеры среди них предпочитали цензурное сокрытие и замораживание всего и вся, что не составляло положительный образ страны, тем сокрытнее замораживание тех честных произведений, в которых изображался наш рабочий класс и наша война с германским фашизмом.

Это что касается внутренней реакции. Но была и субъективная реакция с опорой на стремление к большей власти, к избыточному нахватуванию благ, роскоши, награды, для укрепления личного официального служебного положения и иммунитета. Треугольник с этими чертами реакции составляет зашифрованная под коммунизм предательская деятельность партийных и державных воротил типа Суслова

М. А., Яковлева А. Н., Беляева А. А. Кстати, об Альберте Беляеве. Весной и летом 1968-го года из № 5 «Нового мира» нагло изымались разнородные материалы.

Возня вокруг журнала

Но самая затяжная борьба с ЦК велась вокруг работы Мельникова и Черной о Гитлере, антифашистской по своей сущности. Спор о снятых рукописях, уже набранных и поставленных в номер, по-обычному вел в ЦК первый заместитель главного редактора Алексей Кондратович. В его дневнике есть запись об этом, однако есть и запись о разговоре по телефону Александра Твардовского с Беляевым: «А. Т. начал ему говорить [...], что он не понимает, как может возникнуть сравнение между фашистской историей и нашей действительностью. Он этого просто не понимает, это никак не укладывается в его сознании».

Беляев начал что-то говорить о том, что книга о Гитлере редактируется в Политиздате, а у нас другой вариант, и что Кондратович, видимо, его не понял. «Кондратович сидит здесь, и он может корректировать наш разговор, – сказал А. Т., – «Я не могу понять причин снятия материалов и сегодня же вынужден буду обратиться в ЦК». – «Это ваше право» – как сказал потом А. Т., робко было сказано. А. Т.: «Но за ним кто-то стоит».

О задержке № 5 А. Кондратович аналитически запишет следующее: «Это начало истории уникального номера журнала, который вышел с гигантским опозданием – в три с лишним месяца и имел вместо семнадцати печатных листов – 13. На пять листов меньше. Не знаю, был ли второй такой случай в истории советской печати».

Вспоминая теперь возню вокруг журнала, которую устроили весной и летом Главлит и отделы ЦК, я еще больше убеждаюсь, что все это было отражением событий, которые стремительно происходили в Чехословакии и насмерть перепугали советскую бюрократию. В чешских событиях эта бюрократия не без основания увидела свою гибель, свой конец. [...]

Беспрецедентная история с № 5 была, конечно, отзвуком более серьезной истории, происходившей в Чехословакии и тесно сплотившей реакцию всех окрасов»

Продолжение следует

> Правда берет простотой, ложь же вынуждена оригинальничать. Андрей ЛАВРУХИН